

Киевлянину Аркадию Арканову – 70 лет?!

Виктор Киркевич

Давно пора опровергнуть утверждение, что современный юмор вышел из Одессы. Чтоб я так жил, но это не так! Первый король юмористики Аркадий Аверченко из Харькова, а его современник, как-то странно забытый Иван Руденков, вообще-то из Киева, откуда Клара Новикова и братья Каневские. Между нами, но А.М.Арканов тоже киевлянин!

Свидетельством того, что Аркадий Михайлович одинаков и в жизни, и на экране, могут быть наши приятельские отношения, которым уже два десятка лет. У него очень много общего с Чеховым, и не только потому, что Арканов долгое время проживал на улице Чехова, в доме №2, а в лаконичности его произведений. А в пьесах Аркадия Михайловича было бы значительно больше от известного всемирного классика, если бы не соавтор Григорий Горин, который мастерски «уводил» Арканова в сторону ерничества. Поэтому в творчестве Арканова больше поверхностного Антоши Чехонте.

Необъяснимо, но наша пресса обходит стороной жизнь и творчество Арканова. Поэтому, прежде чем дойти до интервью, которое он мне дал по случаю своего юбилея, хочу описать те короткие встречи, которые проходили у нас в течение двух десятков лет то в Киеве, то в Москве. В Нью-Йорке встреча не состоялась, возможность была упущена, потому что незадолго до этого Арканов уехал назад в Россию. Последней каплей в американской жизни было происшествие на фри-маркете, где проворный негр вырвал нагрудный карман рубашки Аркадия Михайловича вместе с находящимися там долларами и дал такого деру, что окружающие увидели лишь его светлые пятки!

Познакомились мы с Аркадием Аркановым в 1983 году на его воскресном выступлении в клубе КИИГА. Встречу юмориста с киевлянами вел известный библиофил, впоследствии неудачный игрок Феликс Медведев. Водку тогда по выходным дням не продавали. Я при встрече и говорю заядлому библиофилу: «Феликс, у меня есть самая редкая вещь в воскресенье!» Тот в ответ: «Первое издание?!» «Да нет, не роман Льва Толстого, а водка!» Арканов пришел в восторг от этого мини-диалога и предложил тут же распить «редкую вещь». Посуды не было, воспользовались футлярчиками от фотопленки, которые словно для этого и созданы. Закуска тоже была редкая: полученная в «пайке» колбаса. Я ее повесил на руке, и мы отламывали маленькие кусочки. Так у нас обозначилась с Аркановым одна общая привязанность – хорошая водка с обильной закуской. Правда, было еще одно увлечение – худенькие дамы ... На этом и завязались наши внепроизводственные отношения.

Неоднократно мне приходилось на сцене вести встречи с популярным юмористом. Вечером появлялась проблема. Оканчивались встречи в 21:00, когда не было возможности поесть и выпить. В ресторанах кухня уже закрывалась. Денег, даже у популярного в народе Аркадия Арканова, не было. Книг выходило у него мало, да и то небольшими тиражами. Стотысячными тиражами у нас выходили переведенные книги писателей на языках малых народностей или о рабочем классе. Поэтому возникла необходимость искать вечернее пристанище. Желających провести вечер с заезжей знаменитостью было немало. Хозяйка готовила хороший ужин, мы, в основном, насыщались на кухне: неудобно двум проголодавшимся мужикам совершать это действие на глазах уже откушавших. Потом, как в фильме «Калина красная», гости садились вдоль стены, и «народ к разврату готов».

Аркадий Арканов рассказывал анекдоты, читал свои произведения, все это было весело и непринужденно. Трудно найти более блистательного рассказчика, который, говоря о чем-то очень веселым, не только не засмеется, но даже не улыбнется. Где-то в 2-3 часа ночи, я начинал упрашивать: «Отпустите нас. Скоро новое выступление, пора отдохнуть». «Ну побудьте еще, Аркадию Михайловичу так нравится». Ему было действительно хорошо. Он купался в восторженном отношении к нему. И не портили настроение писателя километровые топанья по пустынному ночному Киеву с тщетной

надеждой поймать такси, ни уговоры заспанных портье пустить в гостиницу. Приходилось москвичу ночевать и в моей каморке.

Мне нравится бывать 12 июня каждого года в Москве. Это праздник, и самый занятой человек, если только его не приглашают к Путину, в этот день свободен и не знает, куда себя деть. Это позволило А.М.Арканову меня принять надолго и в беседе впервые открыть свой тернистый путь писателя-юмориста.

На своей книге «От Ильича до лампочки» мне автор надписал: «Вите Киркевичу – земляку по Фундуклеевской». Поэтому первый вопрос был:

- *Вы киевлянин?*

- Еще какой! Родился я 7 июня 1933 года в роддоме на Ленина (Фундуклеевской). Мои родители жили у тетки на Кузнечной (Горького), № 21. Отец мой, Штейнбок Михаил Иосифович (1904–1970), родом из Белой Церкви, а мать, Брандман Ольга Семеновна, родилась в Житомире в 1912 году, а умерла в Бостоне на 87-м году. Мое детство началось на улице Саксаганского, но отца, когда мне был год, арестовали. Следствие и суд были в Киеве, а отбывал он срок в Вяземском лагере под Москвой. В 1938 году произошли большие перемены, Лаврентий Берия стал во главе карательных органов, многих заключенных выпустили. Среди них был и мой отец. Мы вскоре поселились в Москве. Я в 1957 году закончил 1-й Московский медицинский институт им. И.М.Сеченова. Писать начал там, сначала в стенной печати.

- *А когда вы стали Аркановым?*

- В 1966 году. Когда меня стали печатать в «Литературной газете» и вышла первая совместная книга «Четверо под одной крышкой». Моя фамилия Штейнбок плохо звучала для литературных редакторов высокого партийного ранга. А когда шла компания против «псевдонимов», то боролись и против меня. Нас было четыре автора столь маленькой книжки.

- *А почему Арканов?*

- Меня в детстве называли Арканом. Только прошу не путать с известным криминальным авторитетом. Тогда же, в 1966 году, мы вместе с Гришей Гориним написали пьесу, которая шла в 80-и театрах: как у нас, так и за рубежом. Наше совместное творчество пришлось по вкусу и постановщикам, и зрителям. Сильно прогремел спектакль «Банкет», поставленный Марком Захаровым, который после 13-го раза был запрещен Министерством культуры СССР к дальнейшей постановке. А вот другая пьеса, «Маленькие комедии большого дома», шла в московском Театре сатиры 10 лет. Этот очередной совместный с Гориним труд вышел отдельным изданием в 1973 году. В СССР сборники пьес или сенок для драмкружков не так сильно, как проза, особенно юмористическая, подвергались цензуре. Поэтому мои произведения для эстрады появились в Москве еще в 1975 году. Назывались они «Соло для дуэта». В том же году вышел первый сборник рассказов «Подбородок набекрень», а следующая книга новелл «В этом мире много миров» - лишь через 10 лет. Все это было небольшими для нашей страны тиражами. Конечно, если бы я писал серьезные вещи о рабочем классе или трудовом крестьянстве, то и гонорары были бы посolidнее. Но кто за книгу юмористических рассказов дает премию, например, Ленинского комсомола? О Ленине я начал писать только через 80 лет после «Великого Октября».

- *Я был на презентации вашей книге «От Ильича до лампочки» и видел сотни толпящихся людей, пришедших на эту весьма приятную премьеру. Создалось впечатление, что женщины особенно вдохновляют вас на создание книг...*

- Да, в первый раз это было в 1962 году, когда я познакомился со студенткой Московского полиграфического института Женей Морозовой. Она работала на кафедре начертательной геометрии. Я ее называл «боярыня Морозова» и помог устроиться редактором знаменитой рубрики «12 стульев», размещенной на 16-й странице «Литературной газеты». Теперь наш с Евгенией Константиновной сын Василий - собственный корреспондент НТВ в Нью-Йорке. Я всю свою любовь перенес на него.

- *Это было ваше первое сильное увлечение?*

- Нет, Морозова даже не первая жена! В 1957 году я стал мужем Майи Кристалинской, известной в то время певицы. Брак был короткий, через год мы уже не жили вместе, хотя

официально развелись только через четыре года. На третьей супруге, Натальей Алексеевной Высоцкой, я женат последние 13 лет. Она работала старшим редактором многих телевизионных программ, например, «Утренняя почта».

- *Вы тогда запели песни?*

- Песни я стал исполнять раньше, но позволяю себе петь только на собственных вечерах. Стихи я пишу чаще, они потом легко ложатся на музыку моего сочинения. Эта мне особенно нравится (*тут Арканов тихо запел*): «Вот и двадцатый кончается век. Вот и кончается этот забег. Кто-то сошел и остался лежать, кто-то еще продолжает бежать...»

- *Получается, что от трех браков у вас один ребенок?*

- Нет. Есть еще сын от романа - Петр Смирнов. Ему 25 лет. Его мать - прекрасная женщина, хотя абсолютно помешанная на всем французском. Такая себе франкоманка. Ее все французское приводило в восторг: язык, песни, романы, живопись. Долго ждала своего француза, в конце концов, добилась своего: вышла замуж два года тому назад.

- *Что вы можете простить любимой женщине?*

- Все, если я люблю ее. Как от близкого человека можно что-то скрыть? Или таить и страдать от этого? Нужно не придавать значения всяким пустякам. А серьезные обиды просто забудьте. В нашей жизни бывают более важные вещи, которым нужно уделять больше внимания и времени.

- *Кто ваш любимый писатель?*

- Витя, ну ты даешь, об этом у меня давным-давно допытывалась корреспондентка «Пионерской правды». Вопрос для человека, прочитавшего совсем немного книг. Отвечу так: из зарубежных - Вильям Фолкнер, а из отечественных - А.П.Чехов. Только он мог так лаконично передать жизнь и страсти обычного, заурядного человека. Ведь большинство писателей берут для образа героя чаще какую-то особенную личность, широко известного человека, а пишут о нем скучно и обыденно. Это как раскрученная реклама никому не нужной вещи.

- *Какие увлечения характерны для вас, есть ли у вас большие, неуправляемые страсти?*

- Их довольно много, я люблю жизнь во всех проявлениях.

- *А конкретно?*

- Не знаю, с чего начать... Во-первых, страстный болельщик «Спартака», еще люблю играть в шахматы, имею большую коллекцию пластинок. Подобрана не хуже, чем у тебя, я помню ее - тогда мы обедали у твоей мамы. Как она, все так же вкусно готовит? Передай ей привет. Восторгаюсь старой гвардией джазовых музыкантов – Эрл Гарднер, Джерри Миллиган, Дюк Эллингтон... Их десятки. Некоторых слушал в Нью-Йорке в маленьком ресторане «Блю-Нот». Не забуду выступление гениального пианиста Оскара Петерсена. Более всего люблю дружеское застолье, когда никуда не спешишь, тогда хорошая шутка приобретает, какой-то особый вес, идет одна за другой.

Я вспомнил 26 ноября 1997 года. Заседания Московского Пен-клуба. Их псевдо-патриоты называют масонами. Даже включили в словари. Один из них - А.М.Арканов. Собралась компания хороших друзей, отмечающая выход книги «От Ильича до лампочки». Тогда я приехал в Москву со своей третьей женой Леной и предложил Арканову возглавить Международный клуб троеженцев. Нас, на этой встрече, с такой «тройственной деталью» в биографии было немало. Арканов тогда ответил: «Нужно спешить!», что позволило мне сделать вывод, что он недолго задержится в текущем браке. Но с Натальей Алексеевной они месте и поныне.

- *Аркадий, перейдем к тому, что волнует наших читателей. Почему закончился «Белый попугай»? Есть подозрение, что на имя попугая «Аркаша» повлияло желание потакнуть ведущему Арканову?*

- Что-то в этом есть (*Арканов смеется*). Передача, несмотря на то, что получила громадную популярность, была недавно закрыта. Пришел другой хозяин - «REN-TV», который решил, что хватит. Бред какой-то, передача еще не исчерпала свои ресурсы, даже несмотря на смерть своего президента Юрия Никулина.

- *Почему вас не видно на передаче «Аншлаг»? У вас какие-то трения с Петросяном?*

- Нет, отношения нормальные, но как-то не хочется принимать участие в совместных передачах, как бы сказать, эти выступления идут вразрез с моим вкусом и понятиями. Многие из них - довольно симпатичные люди, дружны со мной, но как-то прийти на посиделки к Петросяну не тянет.

- *А вы не хотели бы возглавить Всемирный клуб киевлян?*

- Нет, это возможно только Мише Жванецкому. Я - киевлянин по рождению, а не по духу. Тем более что родственные корни с моей родиной порваны, хотя Киев я люблю, не пропускал случая, чтобы не пройтись по местам своего детства.

Так, за беседой и за столом, просидели мы почти весь день. На прощание Аркадий Михайлович дал мне свой малоизвестный рассказ «Сон-масон»: «У нас в России его боятся публиковать!» А также всем «землякам по Фундуклеевской большой привет!»